

ТАЙНЫ ПРОШЛОГО.
ДРУЖБА, КОТОРАЯ ПРОШЛА ИСПЫТАНИЯ.
ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ СТРАХА.

МОРЕ *ничего* НЕ ЗАБЫВАЕТ

ДЕТЕКТИВ
О ТАЙНАХ,
КОТОРЫЕ
ИЗМЕНЯТ ВСЁ

*Иногда правда
опаснее лжи,
потому что лжи
можно не верить,
а правде —
невозможно.*

*Санта-Лючия
13 июня 2013*
♡

*Некоторые места
хранят больше,
чем кажется.* ♡

*Что случилось
10 лет назад?*

- Девушка
- Исчезновение
- Пожар
- Красная комната
- Пещера
- Правда

СОФИЯ БОКАРЕВА

София Бокарева

море, которое ничего не забывает

«Автор»

2026

Бокарева С.

море, которое ничего не забывает / С. Бокарева — «Автор», 2026

италия, богатая семья, дружба, преступление, тайны - всё это есть в моей новой книге. погрузитесь в атмосферу преступления, подозрения всех вокруг и неожиданных поворотов событий

© Бокарева С., 2026

© Автор, 2026

София Бокарева

море, которое ничего не забывает

МОРЕ НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЕТ

полная редакторская версия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ли́ка Валье́ри — главная героиня, дочь состоятельной семьи, возвращающаяся в Санта-Люции после долгого отсутствия.

Со́фия Риччи — лучшая подруга Ли́ки, эмоциональная и смелая девушка, которой приходится столкнуться с тайной собственного прошлого.

Матео Бьянки — местный журналист и знакомый Ли́ки, наблюдательный, упрямый и привыкший проверять каждую деталь.

Риккардо Валье́ри — отец Ли́ки, влиятельный предприниматель, привыкший контролировать обстоятельства и защищать семью любой ценой.

Клара Валье́ри — мать Ли́ки, мягкая и заботливая женщина, много лет хранившая тяжёлую тайну.

Фабио Морелли — деловой партнёр семьи Валье́ри, уверенный и осторожный человек, связанный с делами на побережье.

Лука Ферретти — деревенский фотограф, который годами собирает материалы об исчезновении Ливии.

Ливия Риччи — девушка из прошлого, чьё исчезновение становится центром расследования.

ПРОЛОГ. ДЕРЕВНЯ, КОТОРАЯ ПОМНИТ

Когда Ли́ка впервые вернулась в Санта-Люция, море встретило её не той голубизной, которую она помнила из детства, а тяжёлым серебристым цветом, словно под прозрачной поверхностью воды кто-то спрятал огромное зеркало, в котором отражалось небо, но не отражались люди. Машина медленно поднималась по дороге между кипарисами, и за каждым поворотом появлялись знакомые дома, террасы с выгоревшими ставнями, маленькие кафе и балконы, увитые цветами, однако чувство возвращения домой никак не приходило: слишком многое изменилось за годы, которые она провела далеко отсюда.

— Ты опять смотришь на море так, будто оно тебе что-то должно, — сказала София, повернувшись к ней с переднего сиденья, и в её голосе слышалась привычная насмешка, которой она всегда пыталась скрывать тревогу.

— Может быть, и должно, — ответила Ли́ка, наблюдая, как солнечный свет разбивается о волну и исчезает в глубине воды, — потому что именно здесь десять лет назад исчезла Ливия.

София промолчала, и этого молчания Ли́ке оказалось достаточно, чтобы понять: прошлое, о котором ей столько лет говорили как о закрытой истории, вовсе не осталось в прошлом.

Санта-Люция всегда казалась Ли́ке деревней, которая умеет притворяться беззаботной. Днём здесь пахло горячим камнем, кофе и солью, старики раскладывали карты под полосатыми навесами, а женщины с балконов перекликались через узкие улицы, словно в мире не существовало ни исчезновений, ни семейных тайн, ни разговоров, которые обрываются, когда рядом проходит чужой человек. Но стоило солнцу опуститься за холмы, как эта привычная декорация менялась: ставни закрывались раньше, чем темнело, лодки возвращались в гавань почти одновременно, а у моря оставалось странное пустое пространство, будто жители бессознательно избегали смотреть в одну и ту же сторону.

— Ты ведь не веришь, что всё это случайность? — спросила София, когда машина свернула к дому.

Ли́ка медленно покачала головой, продолжая смотреть на линию берега, где белые дома словно цеплялись за скалы.

— Я не знаю, чему верю, — призналась она, — но я точно знаю, что люди не молчат десять лет просто потому, что им нечего сказать.

София хотела ответить, однако в этот момент на соседнем холме вспыхнул свет, затем погас, и обе девушки почти одновременно посмотрели туда. В окне стоял силуэт, который исчез прежде, чем они успели рассмотреть лицо.

Когда они остановились перед воротами, София первой заметила, что камеры действительно появились на соседних домах: маленькие чёрные объективы смотрели на дорогу, на ворота, на море, и от этого роскошный дом Вальери вдруг показался Лике не убежищем, а сценой, на которой за каждым движением давно наблюдали. Она вышла из машины, поправила волосы и почти сразу увидела вспышку на другом конце улицы.

— Только не говори, что это опять журналисты, — попросила София, захлопывая дверцу.

— Я бы предпочла журналистов, — ответила Ли́ка, не сводя взгляда с пустого балкона, — потому что журналист хотя бы хочет что-то узнать.

Они вошли в дом, однако Ли́ка успела заметить на каменной стене маленькую царапину, которой прежде не было. Под ней кто-то провёл пальцем по пыли, оставив короткую стрелку в сторону моря.

Ночью, когда дом затих, Ли́ка открыла окно своей комнаты и услышала снизу шум. На террасе стоял Риккардо, разговаривая по телефону; отец говорил настолько тихо, что отдельные слова терялись в ветре, однако одно имя она услышала отчётливо — Ливия. Через несколько секунд он резко обернулся, будто почувствовал её присутствие, и разговор оборвался.

Ли́ка отступила от окна, а затем заметила на стекле отражение: за её спиной, в глубине комнаты, на секунду показалась фигура. Она обернулась, но увидела только открытый шкаф и занавеску, шевелившуюся от морского воздуха. Утром Ли́ка решит, что это была игра света, однако фотография на террасе докажет обратное.

ГЛАВА 1. ДОМ НАД МОРЕМ

Дом Вальери стоял над самым обрывом, окружённый садом, в котором лимонные деревья перемешивались с розмарином, бугенвиллией и высокими кипарисами, а за каменной оградой начиналась вода, казавшаяся настолько близкой, что по ночам Лике иногда чудилось, будто

волны поднимаются по ступеням террасы. Возвращение должно было быть спокойным, почти семейным, однако уже в первый вечер она заметила человека у ворот, который слишком долго стоял неподвижно и исчез именно тогда, когда она подошла к окну.

— Не смотри туда, — попросила Клара, поставив перед дочерью чашку кофе и слишком быстро отведя взгляд от сада, — тебе лучше привыкнуть к тому, что после возвращения на тебя будут обращать внимание.

— Меня фотографировали ещё до того, как я приехала, — заметила Лика, показывая матери снимки, появившиеся в сети, — поэтому дело явно не в моей популярности.

— Я говорю не о фотографиях, — ответила Клара, и её спокойствие впервые дало трещину, потому что пальцы женщины заметно сжались вокруг чашки.

За ужином Лика наконец спросила Риккардо о Ливии, и отец, который до этого спокойно говорил о делах, новом отеле и ремонте набережной, вдруг стал необычно напряжённым.

— Почему ты решила заговорить об этом именно сейчас? — поинтересовался он, не поднимая глаз.

— Потому что я возвращаюсь домой и обнаруживаю, что здесь все помнят то, о чём моя семья предпочитает молчать.

— Ливия погибла, — сказал он после долгой паузы, и в его голосе появилась жёсткость, которой Лика не слышала с детства, — а тебе не нужно превращать старую трагедию в собственное расследование.

— Если это действительно старая трагедия, почему ты так боишься, что я начну задавать вопросы? — спросила Лика, пока за открытым окном прибой глухо разбивался о скалы.

Ночью она нашла на террасе фотографию, сделанную всего несколько часов назад, и на снимке стояла сама Лика, хотя в момент, когда камера сработала, она была совершенно уверена, что рядом никого не было.

Вечером Лика долго ходила по дому, словно пыталась заново составить его из деталей детства: тяжёлые двери, прохладные мраморные полы, лестница с потемневшими перилами, семейные фотографии, которые Клара переставила так, чтобы некоторые лица почти не попадали в поле зрения. В кабинете отца всё оставалось прежним, за исключением одного ящика письменного стола, который был заперт. На крышке лежала тонкая царапина, свежая настолько, что дерево ещё сохраняло светлый оттенок.

— Ты заходила сегодня в кабинет? — спросила Лика у Клары, когда они встретились в коридоре.

— Нет, а почему ты спрашиваешь? — ответила Клара, стараясь говорить непринуждённо, хотя взгляд её сразу скользнул к двери.

— Потому что кто-то пытался открыть ящик.

Клара несколько секунд молчала, затем тихо сказала:

— Иногда в старых домах лучше не открывать всё, что заперто.

— А если там находится ответ?

— Тогда ответ, возможно, и заперли именно потому, что он способен разрушить слишком многое.

Лика ничего не сказала, но именно после этого разговора решила найти ключ, который открывал ящик.

Утром Лика решила не ждать разрешения отца и сама спустилась в старую часть дома. Она знала, что Риккардо уехал в офис, Клара занималась садом, а значит, у неё появилось несколько часов, когда никто не станет задавать вопросов. Ключ она нашла в старой шкатулке матери, спрятанной среди украшений, и, вставляя его в замок кабинета, впервые почувствовала не детское любопытство, а уверенность человека, который собирается нарушить правило сознательно.

За дверью пахло кожей, бумагой и табаком. На стене висели фотографии семьи, но одна рамка была снята, а на её месте остался светлый прямоугольник. Лика провела пальцами по пыли и обнаружила под рамкой сложенный лист.

— Ты всегда была слишком похожа на своего отца, когда хотела узнать правду, — раздался голос Клары из дверного проёма.

Лика резко обернулась.

— Тогда, может быть, ты наконец скажешь мне, на кого он был похож в ту ночь? — спросила она, и мать поняла, что дальше молчать становится опаснее.

Клара не ответила, зато попросила Лику закрыть кабинет и пообещала поговорить вечером. Эта отсрочка только убедила Лику, что внутри семьи существует тайна, гораздо большая, чем ей рассказывали.

После обеда к дому подъехал Фабио Морелли. Лика встретила его в саду и заметила, что мужчина слишком внимательно посмотрел на её руки, будто проверял, не держит ли она найденную бумагу.

— Ты выросла, — сказал Фабио, улыбаясь с той лёгкостью, которая казалась отрепетированной.

— А вы почти не изменились.

— Это комплимент?

— Скорее наблюдение.

Он рассмеялся, но взгляд остался настороженным. Когда Фабио ушёл, Лика заметила, что возле его машины на земле лежит обрывок старой фотоплёнки. Она подняла его и спрятала в карман, ещё не понимая, насколько важной окажется эта маленькая деталь.

ГЛАВА 2. ДЕВОЧКА НА ФОТОГРАФИИ

Утром София пришла ещё до завтрака, и Лика, едва увидев выражение её лица, поняла, что фотография подругу испугала сильнее, чем она пыталась показать. Они поднялись на чердак, где среди старых чемоданов и коробок с семейными документами нашли альбом, который Клара не успела убрать после последней уборки.

— Вот она, — сказала София, проводя пальцем по выцветшей фотографии трёх девочек у пристани, и её голос стал тише, когда она остановилась на Ливии.

— Ты помнишь этот день? — спросила Лика, всматриваясь в снимок, где они обе были детьми и улыбались так искренне, будто никакого будущего у этой фотографии не существовало.

— Помню почти всё, — призналась София, осторожно закрыв альбом, — кроме того, что произошло после того, как фотограф сделал этот кадр.

Лика настояла, чтобы София рассказала всё, что помнит, и постепенно услышала о ссоре Ливии с Риккардо, о документах, которые та якобы нашла, и о человеке, которому Ливия собиралась рассказать правду. Чем дольше продолжался разговор, тем яснее становилось, что исчезновение было связано не только с семейной трагедией.

После обеда они перенесли альбомы на веранду, где ветер перелистывал страницы быстрее, чем Лика успевала их рассматривать. София вспоминала школьные праздники, поездки к маяку и то, как Ливия постоянно таскала с собой маленький фотоаппарат, потому что была уверена: если что-нибудь сфотографировать, это уже невозможно будет потерять.

— Она всё время говорила, что фотографии честнее людей, — сказала София, улыбнувшись, однако улыбка почти сразу исчезла.

— А ты ей верила?

— Тогда — да. Сейчас я уже не уверена, что честность вообще кому-нибудь нужна, если она слишком дорого стоит.

Лика перевернула страницу и увидела на обороте фотографии дату и короткую надпись: «Не отдавай им плёнку». Почерк принадлежал Ливии.

Они с Софией перебрали почти весь альбом, пока не нашли фотографию, на которой Ливия стояла отдельно от остальных детей, словно ждала кого-то за пределами кадра. На заднем плане виднелся старый дом, а возле ворот — Риккардо и незнакомый мужчина с красной камерой.

— Почему ты раньше не замечала его? — спросила Лика.

— Потому что раньше я смотрела на Ливию, — ответила София, — а теперь ты заставила меня смотреть вокруг неё.

Эта фраза стала для Лики почти правилом расследования: важным было не только то, что показывала фотография, но и то, что происходило за её пределами.

Вечером они отправились к пристани и нашли старую скамью, на которой Ливия когда-то оставляла записки. Под доской обнаружилась маленькая жестяная коробка с несколькими билетами, старым ключом и клочком бумаги, где было написано: «Если со мной что-нибудь случится, ищите человека с красной камерой».

— Это уже не детская игра, — сказала Лика, убирая записку в телефон.

— Нет, — ответила София, и впервые за весь день её голос прозвучал твёрдо, — теперь это дело, которое кто-то десять лет пытался закрыть.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Матео встретил их в маленьком кафе у площади, где за соседними столиками местные жители обсуждали рыбацкий улов, туристов и новую дорогу, тогда как на его столе лежала папка с фотографиями, банковскими выписками и копиями старых договоров. Он выглядел так, будто несколько ночей почти не спал, однако в глазах сохранялась та сосредоточенность, которую Лика помнила ещё со школы.

— Ты ведь понимаешь, что сейчас вмешиваешься в историю, которую взрослые десять лет пытались оставить закрытой? — спросил Матео, перелистывая документы.

— Именно поэтому я и пришла, — ответила Лика, и он впервые посмотрел на неё не как на богатую дочь известного предпринимателя, а как на человека, который действительно собирается довести дело до конца.

Матео объяснил, что перед исчезновением Ливия собирала сведения о продаже прибрежных земель, а некоторые сделки проходили через компании, которые существовали только на бумаге; самым тревожным оказалось то, что среди подписей несколько раз встречалась фамилия Вальери.

— Ты думаешь, мой отец причастен? — спросила Лика, стараясь сохранить спокойствие.

— Я думаю, что твой отец что-то знает, — ответил Матео, закрывая папку, — а между этими двумя вещами есть огромная разница, которую нам ещё предстоит выяснить.

Именно тогда Лика решила расследовать исчезновение Ливии вместе с Матео, даже если первым человеком, которому придётся перестать доверять, окажется её собственный отец.

Матео не позволил им сразу уйти из кафе: он разложил документы на соседнем столике и попросил Лиду вспомнить, что именно говорили ей родители в ночь исчезновения Ливии. Постепенно из памяти всплыли отдельные детали — запах мокрой одежды в прихожей, отец, который вернулся значительно позже обычного, мать, заперевшая дверь гостиной, и фраза, которую Лика тогда не поняла: «Никто не должен знать, что мы были там».

— Почему ты раньше этого не рассказывала? — спросил Матео.

— Потому что я не знала, что это важно.

— Теперь важно всё, что ты помнишь.

Лика посмотрела на него и неожиданно почувствовала не страх, а облегчение: впервые кто-то не пытался заставить её забыть.

Матео привёл их не в редакцию, а в старую комнату над кафе, где хранил собственный архив. На стенах висели карты побережья, распечатки телефонных звонков и фотографии людей, которые когда-либо фигурировали в истории Ливии.

— Я не хочу, чтобы ты становилась героиней расследования, — сказал он Лике, раскладывая бумаги, — потому что тогда люди начнут следить за тобой ещё внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.